

М. Г. Рабинович

ДРЕВНИЙ ЛАНДШАФТ И ЖИЛИЩЕ

(О ДВУХ ТИПАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЖИЛИЩА
В ВОЛГО-ОКСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ)

Трудно представить себе конкретную историю страны, не зная реальных условий народной жизни, не имея, в частности, понятия о том, в каких домах жило ее население в ту или иную эпоху.

Жилище, как важный элемент народной материальной культуры, привлекает внимание всякого, кто хочет изучить этническую, социально-экономическую, культурную или даже политическую историю народа.

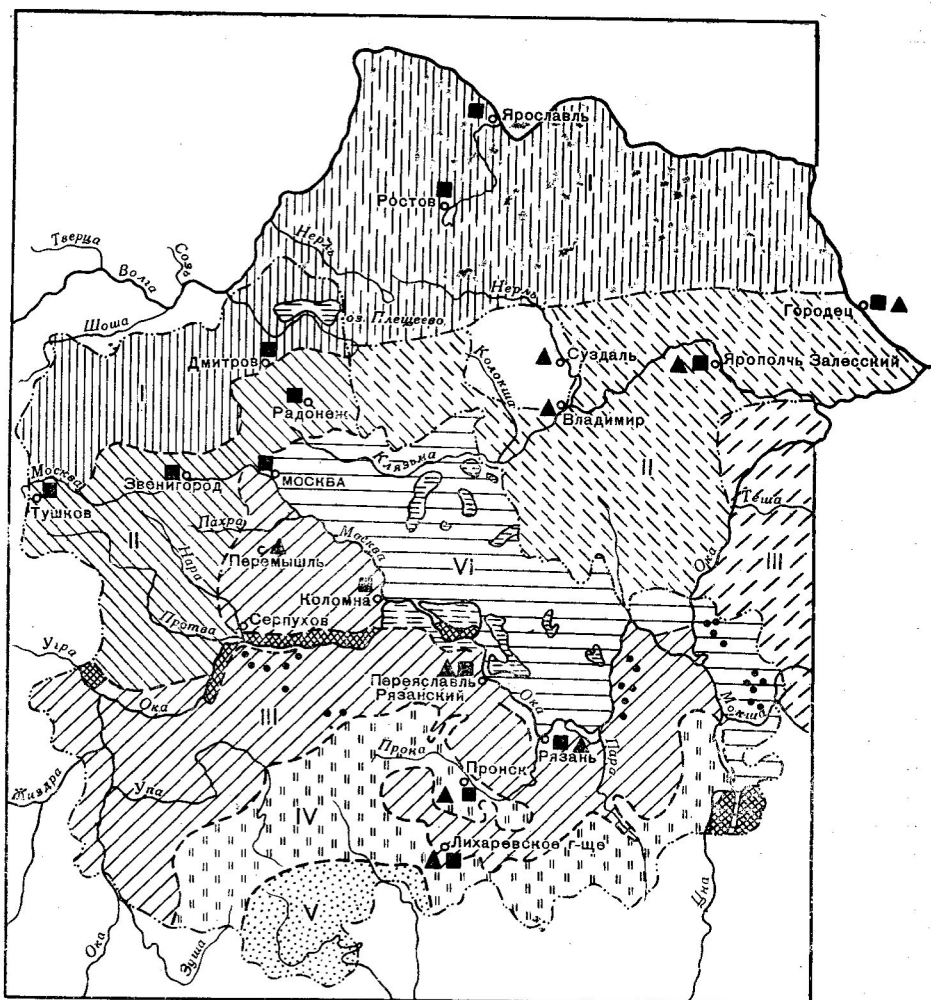
Строительные материалы и техника, внешняя и внутренняя планировка, отделка и меблировка жилища зависят (хотя, конечно, в разной степени) от природных условий края, его экономики, от социального положения владельцев и их этнической принадлежности. Следовательно, по некоторым особенностям традиционного жилища можно судить, например, о том, какому народу и какой социальной группе данное жилище принадлежало. Это обстоятельство особенно важно при изучении отдаленных эпох, для которых вещественные остатки материальной культуры являются одним из главных исторических источников.

Исследование древнерусского жилища ведется уже около полутора столетий. За это время удалось выявить и общие черты русского народного жилища раннего и позднего средневековья, и главнейшие его социальные и областные особенности, удалось также в основном проследить и пути развития жилища.

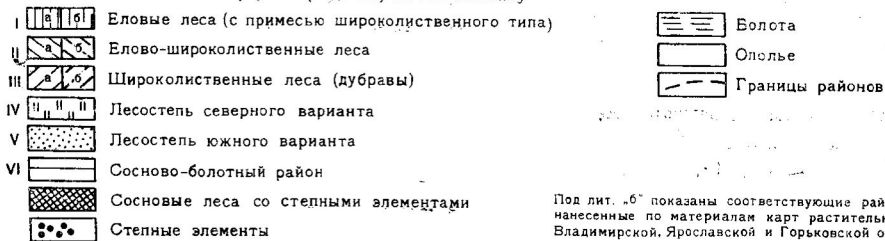
И все же остается еще много вопросов, которые пока что недостаточно разработаны нашей наукой и ждут своего решения. Какие факторы оказываются наиболее значительными для сложения и развития типов народного жилища? Природные, социальные, этнические? На какие черты жилища каждый из этих факторов влияет больше, на какие — меньше? Какие элементы самого жилища являются в процессе его развития наиболее активными? Какие — более «консервативны»? Является ли относительное многообразие типов народного жилища второй половины прошлого — начала нынешнего столетия результатом развития сравнительно небольшого числа древних типов жилища или, напротив, результатом слияния еще более разнообразных форм? Или эти типы русского крестьянского жилища вообще сложились сравнительно недавно и с древними формами прямой связи не имеют?

Чтобы решить хотя бы некоторые, важнейшие из этих вопросов, необходимо изучение древнего и современного жилища в широких масштабах.

Большое значение на современном этапе развития науки приобретает метод картографирования типов жилища, распространенных в тех или иных областях в различные исторические периоды. Наложение на карту различных факторов развития жилища поможет яснее представить и многообразные аспекты влияния их на этот процесс. Картографирова-

Геоботанические районы (подзоны) по В.В. Алёхину

Под лит. «б» показаны соответствующие районы, нанесенные по материалам карт растительности Владимирской, Ярославской и Горьковской областей

Схема распространения типов древнерусского жилища в геоботанических районах (треугольниками показаны полуземлянки, квадратами — наземные дома)

ние как метод научного исследования применяется в нашей науке все шире, но если для XIX в. удалось составить подробные карты русского жилища¹, определив его основные типы и характерные комплексы, то для более ранних периодов (и уж, конечно, для средневековья) накопленный материал еще недостаточен. И, как мы увидим ниже, составить сколько-нибудь подробные обобщающие карты древнерусского жилища

¹ «Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX—начало XX века)», под редакцией В. А. Александрова, В. И. Козлова, П. И. Кушнера (ответственный редактор), М. Г. Рабиновича, М., 1967, карты № 18—37, стр. 131—193.

в настоящее время невозможно. На очереди стоит разработка карт отдельных районов, которые в будущем смогут лечь в основу такой сводной карты. Одному из таких районов и посвящена настоящая статья.

Типы крестьянского жилища XIX в. выделены этнографами на основании совокупности многих признаков, которые порой невозможно бывает проследить в древних домах и усадьбах, открываемых раскопками. Поэтому в основу типологии жилища приходится класть кардинальные различия, дающие возможность выделить лишь немногие типы.

Так, исследователи различают в древнерусском народном жилище два основных типа. Первый из них — «полуземлянки» — углубленные в землю (по большей части с земляным полом) и с каркасными стенами. Второй тип — дома наземные или на подклете, срубные, обычно с деревянным полом. По всей вероятности, именно из этих типов жилища развились впоследствии характерные для восточных славян «хата» и «изба». Первый тип жилища был распространен на юге древней Руси, второй — на севере².

Это, разумеется, относится только к жилищам рядового населения. Дома богатых людей повсюду были преимущественно срубными.

Прежде предполагалось, что граница между зонами распространения первого и второго типов жилища примерно совпадала с границей ландшафтных зон — леса и лесостепи, пересекающей Восточно-Европейскую равнину в направлении с юго-запада на северо-восток. Это мнение, высказанное нами 16 лет назад, повторено затем в нескольких работах³.

Однако накопленные с тех пор материалы показывают, что совпадение границы типов жилища с границей ландшафтных зон леса и лесостепи намечается лишь в общих чертах.

Прежде всего, граница типов жилища не была стабильной. Можно думать, что в более отдаленные времена в лесной полосе были полуземлянки. Археологические находки показывают, что рядом с Великим Новгородом, где преобладали наземные срубные дома, в XII—XV вв. находился поселок Перынь, в котором было множество полуземлянок⁴.

В XII—XIV вв. срубное жилище, по-видимому, начало распространяться на юго-восток, и некоторые области, где ранее господствовали полуземлянки, вошли в зону наземных домов. Так, в Галицко-Волынской земле на окраине г. Черновцы в 1967 г. было открыто поселение второй половины XII—XIII вв. с наземными, вероятно, срубными домами⁵.

На распространение того или иного типа жилища оказывали влияние и микроландшафт, и иные факторы. Например, в Суздале, находящемся в лесной зоне, до XII—XIII вв. бытовали полуземлянки, в дальнейшем вытесненные наземными срубными домами⁶. В древности здесь сыграл роль микроландшафт суздальского Ополя, где не было хорошего строе-

² Н. Н. Воронин, Жилище. История культуры древней Руси, т. 1, М.—Л., 1948, стр. 108. Преемственность типов древнерусского и позднейшего крестьянского жилища впоследствии была подвергнута некоторыми авторами сомнению. См.: Г. Г. Громов, История крестьянского жилища Владимирского края в XI—XIX вв., автореферат канд. дисс., М., 1954; его же, Альбом Мейерберга, как источник по истории русского крестьянского жилища, «Сов. этнография», 1955, № 1; его же, Русское крестьянское жилище XVI—XVII вв. по письменным источникам, Вестник МГУ, 1965, истор. серия № 6.

³ М. Г. Рабинович, Дом и усадьба в древней Москве, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 72; Л. П. Гуссаковский, Древнерусское жилище VIII—XIII вв., автореферат канд. дисс., М., 1956, стр. 7, 13; А. Л. Монгайт, Рязанская земля, М., 1961, стр. 127; И. В. Маковецкий, Архитектура русского народного жилища, М., 1962, стр. 29—30; А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», «Доклады Географического общества СССР», вып. 3, 1967, стр. 51, 52.

⁴ В. В. Седов, Поселение XII — начала XV в. в Перыни, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (далее: КСИИМК), вып. 62, 1956.

⁵ М. В. Малевская, П. А. Раппопорт, Б. А. Тимошук, Раскопки Ленковецкого поселения, сб. «Археологические открытия 1967 года», М., 1968, стр. 242.

⁶ А. Ф. Дубынин, Археологические исследования Суздаля, КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 94.

вого леса, а позже могло сказаться возросшее экономическое благосостояние горожан.

Для сколько-нибудь полной разработки вопроса о границах распространения типов древнерусского жилища необходимо, разумеется, сплошное археологическое исследование городских и сельских поселений, по крайней мере в широкой зоне вдоль границы леса и лесостепи. В наше время такие работы ведутся лишь в весьма ограниченных масштабах, например в Рязанской и Владимирской областях. Однако и здесь пока нельзя еще говорить о сплошном исследовании памятников, поскольку лишь в редких случаях археологу удается раскопать поселение целиком, со всеми жилищами. В лучшем случае оказывается изученным десяток—другой домов, а во многих довольно крупных городах до сих пор раскопано лишь одно-два жилища. При этом города изучены археологически все же лучше, чем сельские поселения, не менее важные для решения интересующего нас вопроса. Во время раскопок многих городов основное внимание исследователей привлекали их детинцы и главные сооружения: соборы, княжеские дворцы. Достаточно сказать, что во Владимире, где так блестяще исследованы оборонительные сооружения, раскопано всего одно жилище. Поэтому трудно судить о количественном соотношении домов различных типов, и проставленные на прилагаемой карте значки фиксируют лишь факт наличия в изученной части поселков срубных наземных жилищ или полуземлянок, или тех и других.

Однако даже такая карта представляет интерес, так как позволяет суммировать и те отрывочные сведения, которыми мы располагаем по отдельным ограниченным районам; сопоставление же подобных материалов позволит в дальнейшем уточнить территорию распространения главных типов древнерусского жилища и выявить их локальные варианты.

Междуречье Оки и Волги является областью, пограничной как в отношении ландшафтных зон, так и в отношении этническом и историко-политическом. Здесь можно проследить и оба типа жилища, о которых было сказано выше.

В восточной части этого края, насколько удалось пока установить, на каждом отдельном поселении были либо полуземлянки, либо оба типа домов.

Кроме уже упомянутого Суздаля, полуземлянка была открыта во Владимире, а во Владимирской области обнаружены жилища обоих типов. Например, к востоку от Владимира на Пировом городище (древний Ярополчь-Залесский) раскопаны преимущественно полуземлянки, а на Пировом селище — наземные срубные дома. Еще дальше к востоку, в Городце, открыто несколько полуземлянок и срубных домов⁷.

Рязанская земля также знала оба типа жилища и, по-видимому, можно говорить лишь о преобладании одного из них в том или ином районе, но не о безраздельном господстве. В крупнейших городах этой земли — Рязани, Переяславле-Рязанском, Пронске, а также на Лихаревском городище в домонгольских слоях встречены и полуземлянки, и срубные наземные дома⁸. В более поздний период в Переяславле-Рязанском, кажется, стали строить в основном срубные жилища.

Иную картину можно наблюдать в северной и западной частях Волго-Окского междуречья.

Московский край издавна был районом преобладания срубных домов. В самой Москве раскопками не обнаружено ни одного жилища-по-

⁷ В. В. Седов, Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее: МИА), № 92, 1960, стр. 99; М. В. Седова, Археологические работы во Владимирской области в 1962 г., «Краткие сообщения Ин-та археологии» (далее: КСИА), вып. 104, 1965, стр. 108; А. Ф. Медведев, Первые раскопки в Городце на Волге, КСИА, вып. 110, 1967, стр. 78.

⁸ А. Л. Монгайт, Указ. раб., стр. 126.

луземлянки, а срубных домов открыто до двух десятков⁹. К северу от Москвы срубные дома открыты в Дмитрове (XII—XIII вв.) и более позднее — в Радонеже¹⁰. Дальше на северо-восток Переславль-Залесский, Ростов и Ярославль раскапывались Н. Н. Ворониным. В Переславле жилищ не встречено, в Ростове прослежены остатки двух срубных построек, в Ярославле раскопано углубленное в землю сооружение, которое по мнению исследователя является не жилищем, а каким-то хозяйственным помещением¹¹, может быть подполом. Нам же кажется, что в последнем случае можно скорее говорить о бытовании в Ярославле срубных домов с подпольем.

К западу от Москвы на поселениях XI—XIII вв. открыты только срубные наземные жилища. В Звенигороде Б. А. Рыбаков отмечает дом из сосновых бревен¹².

В верховьях Москвы-реки, на городище Тушков городок, в слое XI—XIII вв. нами открыт такой же дом с деревянным полом¹³. А еще западнее, в бассейне Днепра, на Бородинском городище, жилые дома, по мнению В. В. Седова, были наземными и имели подполья. Отсутствие находок глиняной обмазки исследователь объясняет тем, что и подпольные ямы были облицованы деревом¹⁴. И хотя раскопанный памятник — феодальный замок, нет оснований думать, что тип его построек существенно отличался от жилищ рядового населения тех мест. В целом постройки этого прилегающего к Волго-Окскому междуречью района Смоленщины представляют вариант второго, северного типа жилища; к тому же типу принадлежат и дома верховьев Москвы-реки.

Таким образом, к северу и западу от Москвы простирается зона преобладания срубного жилища.

К юго-востоку от Москвы, в Коломне, жилища XII—XIII вв., судя по опубликованному данным раскопок, также представляли собой срубные дома с деревянными полами и глинобитными печами¹⁵.

Но ближе к Москве, в районе Подольска, в исследованном нами Перемышле-Московском — городке, который основал в середине XII в. на берегу р. Мочи Юрий Долгорукий, — рядовое население, по крайней мере в начальный период существования города, вероятно, жило в полуземлянках. В тех местах, где сохранился культурный слой, он изобилует углубленными в материк на 1,1—1,3 м небольшими, почти квадратными в плане помещениями жилого, производственного и хозяйственного назначения. Некоторые полуземлянки были одновременно и жилищем, и мастерской ремесленника, как это нередко наблюдалось и в других древнерусских городках. В одной из них, например, были найдены бытовые предметы — обломки стеклянных браслетов, нож, нательный крест, сделанное из стенки глиняного сосуда пряслице. Однако там же удалось обнаружить и крицу, а печь (глинобитная, с толстыми стенками и сводом высотой 0,6 м) была, очевидно, приспособлена и для производственных нужд. Более поздних жилищ в Перемышле-Московском не найдено, но по характеру других построек можно предположить, что в

⁹ М. Г. Рабинович, О древней Москве, М., 1964, стр. 225, 236.

¹⁰ Н. П. Милонов, Дмитровское городище, «Сов. археология», 1937, № 4; его же, Археологические разведки в Радонеже, «Историко-археологический сборник», М., 1948, стр. 67.

¹¹ Н. Н. Воронин, Отчет о раскопках в Ростове-Ярославском, Архив Ин-та археологии, ф. 1, № Д1109, стр. 26; его же, Раскопки в Ярославле, МИА, № 11, 1949, стр. 185.

¹² Б. А. Рыбаков, Раскопки в Звенигороде, МИА, № 12, 1949, стр. 132.

¹³ М. Г. Рабинович, Крепость и город Тушков, «Сов. археология», XXIX—XXX, 1959, стр. 273.

¹⁴ В. В. Седов, Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, стр. 97, 98.

¹⁵ Н. П. Милонов, Историко-археологический очерк Коломны, указ. сборник, стр. 82, 89.

XIV—XVI вв. дома в этом городе были наземными (они возводились на основаниях из мелкого камня, несколько возвышавшихся над поверхностью земли, и имели срубную конструкцию стен, как это можно наблюдать в близлежащих деревнях и по настоящее время)¹⁶.

К сожалению, в районе Перемышля не проводилось исследований других поселений эпохи феодализма, так что определить, каков был ареал распространения полуземлянок в этих местах в домонгольское время, не представляется возможным.

Бытование полуземлянок в окружении поселений со срубными домами может быть объяснено двояко. Нам уже приходилось высказывать мнение, что городское жилище в начальный период существования города обычно бывает того же типа, что и сельское жилище в данной местности¹⁷. Ведущая роль городского жилища по отношению к сельскому определяется, как правило, лишь в дальнейшем процессе развития. Но в тех случаях, когда город возникал не из какого-то другого местного поселения, а строился заново каким-нибудь феодалом, он мог быть заселен людьми, переведенными из других владений того же феодала, где была принята другая строительная техника, другой тип жилища. В результате оказалось возможным появление городов с домами, не характерными для данной природной зоны (к условиям которой впоследствии городские дома все же приспосабливаются).

То же, разумеется, можно сказать и об аналогичным образом возникших сельских поселениях и (хотя в меньшей степени) о поселениях, появлявшихся в процессе свободной колонизации.

Возможно, что в городок Перемышль, основанный князем, были переселены жители из каких-то лесостепных земель. Подобный же случай предполагает, по-видимому, и В. В. Седов, объясняя различие типов жилищ Ярополча-Залесского и Пирова селища¹⁸.

Но, признавая такую возможность, мы все же далеки от высказанной А. Л. Монгайтом мысли, что тип жилища (точнее, его конструкция, о которой сейчас идет речь) связан с племенной принадлежностью хозяев¹⁹. Против такой точки зрения говорит хотя бы сходство жилищ кривичского Суздаля и вятичского Перемышля или различие типов жилищ вятичских Перемышля, Москвы и Бородинского городища²⁰. Здесь, видимо, большую роль играли природные и экономические факторы.

Итак, в Волго-Окском междуречье встречаются оба типа древнерусского жилища. Наземные срубные дома преобладают в западной и северной частях этой территории, а полуземлянки — как будто лишь в нескольких замкнутых ареалах, точные границы которых еще следует определить; в южных и юго-восточных районах этой территории на одних и тех же поселениях встречаются по большей части и полуземлянки, и срубные дома.

Между тем, почти вся территория Волго-Окского междуречья лежит в зоне лесов. Однако важно обратить внимание на то обстоятельство, что северные и западные части ее находятся в подзонах еловых и елово-широколиственных лесов, а южные и восточные — в подзонах широколиственных лесов и сосново-болотной. Только южнее Рязани начинается лесостепь.

¹⁶ М. Г. Рабинович, Отчет о раскопках Перемышля-Московского в 1955 г., Архив Ин-та археологии, ф. 1, № 1092, стр. 44, 40, 15.

¹⁷ М. Г. Рабинович, Некоторые проблемы этнографического изучения русского феодального города, М., 1964, стр. 5.

¹⁸ В. В. Седов, Сельские поселения центральных районов Смоленской земли, стр. 99, прим. 146.

¹⁹ А. Л. Монгайт, Указ. раб., стр. 125—128. Наши возражения против подобной точки зрения приведены в рецензии на эту книгу (см. «Сов. этнография», 1962, № 5, стр. 161).

²⁰ На Бородинском городище, в Перемышле и Московском Кремле найдены семилопастные височные кольца, а кривичские украшения отсутствуют.

Если внимательно рассмотреть особенности ландшафта в районах Перемышля, где были полуземлянки, и Коломны, в которой были срубные дома, то окажется, что Перемышль находился в подзоне широколиственных лесов, где сосна и ель составляют лишь 4—7% леса, причем крупный еловый массив от этого городка не ближе среднего течения р. Лопасни. Коломна же находилась в сосново-болотной подзоне, в которой сосна и ель составляют 49% леса²¹.

Не сыграло ли это обстоятельство определенной роли в сложении типов жилища упомянутых городов?

Для строительства в древней Руси употреблялись разные породы деревьев, но преимущественно сосна, ель и дуб.

Е. Э. Бломквист отмечает, что в XIX в. зажиточные крестьяне старались строить дома из хвойного леса, даже если его приходилось везти издалека²².

Не явилась ли относительная сложность возведения домов из дуба, неровные стволы которого требуют более сложной подгонки, тщательного законопачивания щелей или обмазки здания, одной из причин того, что в подзоне широколиственных лесов срубные жилища вплоть до XIII в. не вытеснили полуземлянок? Ведь упомянутые выше города, в которых сосуществовали оба типа жилищ, находились как раз в этой подзоне.

Что же касается ограниченных ареалов бытования одного типа жилища в зоне, для которой в целом характерен другой тип или смешение типов, то здесь могли действовать разные обстоятельства. Так, в отношении Перемышля-Московского, например, можно предположить следующее. В настоящее время городище Городок (таково теперь его название) стоит на опушке дубового леса; к северу от него начинается безлесая равнина. Трудно сказать, как распределялись в этих местах леса 800 лет тому назад, но есть основания думать, что тогда лес был не так близко. Некоторые археологические наблюдения наводят на мысль, что в те времена, когда строился Городок, здесь не только не было обилия леса, но ощущался даже недостаток его. Так, укрепления Перемышля были той же конструкции, что и второй (по времени) вал Московского Кремля, возведенный в середине XII в. Однако они отличались тем, что жесткая кольцевая подошва, мешавшая насыпи вала оползать, в Перемышле была не из бревен с крюками, как в Москве, а из обожженной глины²³. Такой конструктивный прием представляется вынужденным, связанным с нехваткой строевого леса. А недостаток леса, в свою очередь, может быть связан с тогдашними особенностями микроландшафта, например, с тем, что городок стоял на крутом берегу р. Мочи там, где его защищали еще и два больших оврага (заметим, кстати, что само образование таких оврагов обычно не для лесистой местности), в удалении от лесов, на своеобразном «ополье», и доставлять туда бревна было неудобно. Это обстоятельство могло сказаться и на конструкции жилищ.

Прилагаемая карта является попыткой совместить данные археологических раскопок с тем, что нам известно о древней растительности края. К сожалению, не все в ней в равной степени надежно. Если для юго-западной части современной Московской, Тульской и Рязанской областей имеется составленная В. В. Алехиным подробная карта восстановленного растительного покрова, то для северо-восточной части Волго-Окского междуречья соответствующих по масштабу и нагрузке

²¹ В. В. Алехин, Растительность и геоботанические зоны Московской и сопредельных областей, М., 1947, стр. 28, 51.

²² Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский этнографический сборник, М., 1956, стр. 71.

²³ М. Г. Рабинович, К истории русской фортификации, сб. «Культура древней Руси», М., 1966, стр. 213.

карт нет. Поэтому мы были вынуждены схематично нанести растительный покров, пользуясь имеющимися картами (разных, преимущественно более крупных масштабов) Владимирской, Ярославской и Горьковской областей²⁴.

Эта карта-схема не претендует на полноту. Она лишь фиксирует положение некоторых городищ и селищ с разными типами жилища относительно геоботанических зон²⁵.

Кроме того, даже на такой схематической карте обращает на себя внимание то обстоятельство, что не только в лесостепной зоне, но и в лесной зоне, в подзоне широколиственных лесов (а на опольях и в подзоне елово-широколиственных лесов) на одном поселении зачастую встречаются оба типа древнерусского жилища — и срубные дома, и полудземлянки. Значит в сделанное нами ранее предположение о совпадении границы основных типов жилища с границей лесостепи необходимо теперь внести существенную поправку.

В пределах лесной зоны, в подзоне широколиственных (преимущественно дубовых) лесов, в X—XIII вв. бытовали оба типа древнерусского жилища. Безусловное господство срубных домов в этот период, по-видимому, имело место только в подзонах хвойных лесов и в значительной части подзоны елово-широколиственных лесов. На опольях строили полудземлянки, в сосново-болотном районе были срубные дома, а на некоторых участках, особенности которых не вполне ясны (Городец, Яропольч-Залесский), встречались оба типа жилища.

Выше уже говорилось, что первоклассным материалом для строительства срубного дома еще в XIX в. признавали только хвойные деревья — сосну и ель. Наверное, так было и в древности. Дуб, обладающий гораздо большей твердостью и механической прочностью, охотно использовали для строительства крепостей и для хозяйственных построек, которые не конопатили. Дома же из дуба, видимо, не строили потому, что и в те времена было трудно найти деревья с длинным, ровным, прямым стволом. Да и пользу смолистого воздуха в жилой комнате, наверное, давно заметили. Недаром впоследствии так неохотно переходили к каменному жилью, и еще в XIX в. русские аристократы, вроде Шереметьевых, предпочитали жить в деревянных домах, всячески маскируя их под каменные.

Разумеется, это наше предположение о зависимости типа домов (по строительному материалу и технике постройки) прежде всего от географических условий следует проверить на других районах, где встречаются различные геоботанические зоны. Но уже сейчас представляется правомерным поставить вопрос о том, что для формирования такого важного признака типа жилища, каким является строительный материал, природные условия имели, по-видимому, решающее значение. Большую роль играло имущественное положение хозяина (так как феодал или вообще богатый человек мог привезти сосновые бревна издалека). Что же касается этнической и культурной традиции, то ее влияние было, очевидно, небольшим (сомнительно, чтобы, поселившись в безлесной

²⁴ «Карта современного растительного покрова б. Нижегородской губернии», под ред. В. В. Алехина, Л., 1935; «Карта растительности Ярославской области», Атлас Ярославской области, М., 1964; В. К. Богачев, Зональное положение и ботаническое районирование Ярославского Поволжья, «Ботанический журнал», т. 49, 1964, № 12.

²⁵ В то время, когда эта статья была уже написана и сдана в редакцию, появилась работа А. В. Успенской «Древнерусское крестьянское жилище по материалам селищ», в которой имеется и карта распространения наземных и полудземляночных крестьянских жилищ, выполненная, однако, без учета геоботанических зон (сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 195). Публикация эта носит предварительный характер, в ней нет названий селищ, а масштаб карты настолько мелок, что не представляется возможным воспользоваться ею для нашей темы. Все же, насколько можно судить, полудземлянки в подзонах еловых и елово-широколиственных лесов отмечены А. В. Успенской лишь в двух-трех пунктах, а в подзоне широколиственных лесов — в 15 пунктах.

местности, средний горожанин, а тем более крестьянин, мог позволить себе постройку срубного дома).

Это не значит, что жилище не является этнографическим комплексом. Ошибочным является также утверждение А. А. Шенникова, что «при изучении крестьянской материальной культуры изучать жилище — методически неверно»²⁶.

Напротив, мы считаем, что тип жилища чрезвычайно важен для этнографической характеристики народа в целом и отдельных его этнических групп.

Но следует заметить, что из элементов, слагающих тип жилища, материал постройки является, пожалуй, наименее устойчивым. Он довольно легко меняется в зависимости от обстоятельств.

Гораздо более устойчива, традиционна (если угодно, консервативна) внутренняя планировка жилища, зависящая прежде всего от характера производственной деятельности, общественного и семейного уклада, а также от этнической принадлежности хозяев. Общеизвестно, например, что народы, привыкшие к круглым в плане жилищам, с трудом привыкают к четырехугольным комнатам.

Поэтому, нам кажется, что поиски этнического своеобразия жилища должны вестись прежде всего в области его внутренней планировки. Для русского жилища это, в первую очередь, характер печи и положение ее по отношению ко входу, расположение «красного угла», «бабьего кута» и т. п. Во вторую очередь, это орнамент, резные и расписные украшения интерьера, фасада, конька кровли.

Но это особая тема, заслуживающая специальных исследований.

SUMMARY

Two types of ancient Russian dwellings have been ascertained within the cities of the Volga — Oka watershed areas: the half-underground earthen dwelling and the surface log house. It is from these two types that the later Russian *khata* and *izba* evolved. Comparison of the map of their distribution with a map of vegetation and of reconstructed ancient geobotanical zones shows that in the leaf-bearing forest zone both types co-existed, while surface log houses prevailed in regions with large tract of pine — the best building material. In the XIII—XV centuries the area of surface log houses expanded somewhat, presumably owing to the development of economy and transport. The two types of dwelling belong not to ethnic but rather to social-economic characteristics. The ethnic affiliation of the owner was mainly manifested in the interior planning and decoration of the dwelling.

²⁶ А. А. Шенников, Указ. раб., стр. 44.